

Слова благодарности

Много лет назад, будучи подростком, я не раз принималась за создание этой книги, прокручивая в голове разные варианты ее написания. Она стала результатом сотен, возможно, даже тысяч, разговоров с близкими друзьями и малознакомыми людьми, которые озадачили меня и привели в замешательство хаосом, пронизывающим современные романтические и сексуальные отношения. Почему, несмотря на присущую им силу и независимость, женщины четырех стран (Франции, США, Израиля и Германии), в которых я жила уже взрослой, сбиты с толку неопределенностью поведения мужчин? Почему мужчины представляются загадкой и неиссякаемым источником потрясений для женщин? Страдали ли мужчины и женщины прошлого от мучительной любви так же, как современные мужчины и женщины? Окружающая нас культура главным образом учит нас искать ответы на подобные вопросы в изъянах и пороках нашего несовершенного детства и объясняет беспорядок в нашей личной жизни несовершенствами нашей психики.

Эта книга подвергает сомнению это, по большей части неоспоримое, предположение. Она хочет объяснить, почему любовь причиняет боль, выдвигая на первый план социальную, а не психологическую подоплеку отношений между мужчиной и женщиной. Эта книга появилась благодаря многочасовым душевным разговорам, но она в значительной степени обязана также и другим, менее интимным, но не менее важным, беседам. Прежде всего, я хочу поблагодарить *Wissenschaftskolleg zu Berlin* (институт перспективных исследований), который в течение 2007–2008 гг. предоставлял мне тишину и покой монастыря и оживленные беседы салонов XVIII в. Я благодарю Дейла Бауэра, Юта Фреверта, Свена Хиллеркампа, Аксель Хоннет, Тома Лакера, Рейнхарта Меркеля, Рейнхарта Мейер Калкуса, Сьюзен Нейман, Джона Томпсона и Эйтана Уилфа за то, что щедро поделились со мной своими мыслями, вопросами и великолепными советами. Маттан Шачак был чрезвычайно необходим в процессе написания этой книги, каждый день даря мне ощущение радости быть учителем выдающегося студента и ассистента-исследователя. Я благодарю Ори Шварц, Дана Каплана и Жужу Беренд за удивительную щедрость ума, их комментарии сыграли значительную роль в улучшении этой книги. Я благодарна Натали-Мириам Иллуз, моей сестре и великолепному психоаналитику, и Беатрис

Смедли, моей подруге и соавтору, за наши нескончаемые обсуждения великолепия и мук любви. Я могу только надеяться на то, что мне удалось соответствовать утонченности их исследований.

Книга — особый товар: ее не только должны создавать профессионалы, в нее нужно верить. *Polity Press* уникально в своем стремлении содействовать глобальному распространению идей и в своей по-семейному душевной и неослабевающей заботе в процессе производства книги. Мне посчастливилось узнать, что Джон Томпсон от всего сердца одобрил эту книгу. Глубина его заботы, четкость и оперативность делают его исключительным издателем. Джастин Дайер оказался превосходным редактором, а Дженнифер Ян и Клэр Анселл — самыми отзывчивыми и полезными в качестве помощника редактора и выпускающего редактора соответственно.

Я благодарю всех, и близких друзей, и просто знакомых, которые доверились мне и поделились своими историями, иногда в отчаянии, но часто с надеждой и верой. Я посвящаю свою книгу этим мужчинам и женщинам, которых буду хранить в своем сердце до конца дней.

Издатели хотели бы выразить признательность за разрешение на воспроизведение эпиграфов:

Из книги Филиппа Рота «Возмущение» (Indignation), Copyright (c) 2008, Philip Roth. Используется с разрешения The Wylie Agency (UK) Limited;

Крис Картер, www.catchhimandkeephim.com;

Из романа Д. М. Кутзее «Бесчестье» (Disgrace), Copyright (c) 1999, J. M. Coetzee. Используется с разрешения Viking Penguin, подразделения Penguin Group (USA) Inc. и Vintage, подразделение Random House;

Из книги Джулиан Барнс «Любовь и т. д.», Copyright (c) 2000, Julian Barnes. Используется с разрешения Alfred A. Knopf, подразделения The Random House, Inc.; опубликовано Vintage Books. Переиздание с разрешения The Random House Group Ltd.

Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
Или невинный юнец, раньше не знавший любви.
Из молодежи любой, как я, уязвленный стрелой,
Пусть узнает в стихах собственной страсти черты
И, в изумленье придя, «Как он мог догадаться, —
воскликнет, — этот искусник поэт —
и рассказать обо мне?»

Овидий «Любовные элегии» (*Amores*)
Пер. с лат. С. В. Шервинского

Глава 1 Введение

Муки любви

Однако безмятежная любовь встречается довольно редко. На каждую современную счастливую любящую пару, на каждый краткосрочный любовный роман приходится десять мучительных любовных переживаний и постлюбовных «падений», длящихся гораздо дольше самого романа и часто приводящих к разрушению личности или, по крайней мере, к эмоциональному цинизму, который создает определенные трудности, а порой вообще не позволяет человеку полюбить снова.

Суламифь Файерстоун «Диалектика пола: Доводы феминистской революции»¹

«Грозовой перевал» (1847 г.) принадлежит давней литературной традиции изображать любовь как мучительно болезненное чувство². Печально известные главные герои романа Хитклиф и Кэтрин сильно любят друг друга с самого детства, однако Кэтрин решает выйти замуж за Эдгара Линтона, более подходящего ей по социальному статусу. Униженный Хитклиф,

¹ Файерстоун С. Диалектика пола: Обоснование феминистской революции. NY: Bantam, 1970. С. 129 [Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: Bantam, 1970. P. 129].

² Бронте Э. Грозовой перевал. Oxford: Oxford University Press, 2008 [1847] [Brontë E. Wuthering Heights. Oxford: Oxford University Press, 2008 [1847]].

случайно услышав слова Кэтрин о том, что она опустится до него, если выйдет за него замуж, убегает. А Кэтрин, бросившись на его поиски и не найдя, серьезно заболевает и некоторое время находится между жизнью и смертью.

Созданная в более ироничном стиле «Мадам Бовари» (1856 г.) описывает несчастливый брак одной романтической особы с добросердечным, но посредственным провинциальным врачом, который не может удовлетворить ее сентиментально-романтические и социальные фантазии, почерпнутые из любовных романов. Главная героиня думает, что она обрела мужчину своей мечты в образе лихого землевладельца Родольфа Буланже. После трехлетнего романа любовники решают сбежать. Но в один роковой день Эмма получает от Родольфа письмо, в котором он отказывается от своего обещания. Здесь автор, описывая романтические чувства своей героини, обходится без свойственной ему иронии, с сочувствием рассказывая о ее страданиях:

Эмма прислонилась к стене в амбразуре мансарды и перечитала письмо с недоброй усмешкой. Но чем внимательнее она в него вчитывалась, тем больше путались ее мысли. Она снова видела Родольфа, слышала его, обнимала. И удары ее сердца подобно ударам молота становились все чаще и неравномерней. Она смотрела вокруг, и ей хотелось, чтобы земля разверзлась у нее под ногами. Почему не покончить со всем этим? Что ее удерживает? Ведь она свободна! Эмма шагнула вперед, бросив взгляд на брусчатку мостовой, и сказала себе: — Ну, давай! Давай!³

По современным критериям мучения Кэтрин и Эммы кажутся невыносимыми, но все еще понятными. Тем не менее, как данная книга пытается обосновать, романтические страдания, которые испытывают обе эти женщины, изменили содержание, цвет и структуру. Прежде всего, противостояние между обществом и любовью, которое каждую из них приводит к страданиям, едва ли имеет отношение к современному

³ Флобер Г. Мадам Бовари. NY: Courier Dover Publications, 1996 [1857]. С. 145 [Flaubert G. Madame Bovary. New York: Courier Dover Publications, 1996 [1857]. P. 145].

обществу. Действительно, мало какие экономические препятствия или нормативные запреты помешали бы Кэтрин и Эмме сделать любовь своим первым и единственным выбором. Как бы то ни было, наше современное чувство целесообразности заставило бы нас следовать указаниям нашего сердца, а не социальной среды. Во-вторых, в наше время на помощь нерешительной Кэтрин и изнывающей от бесстрастного брака Эмме уже давно прибежала бы целая толпа экспертов — психологи-консультанты, семейные психотерапевты, адвокаты по бракоразводным процессам и специалисты по медитации массово бросились бы на урегулирование частных проблем предполагаемо или реально скучающих жен. В отсутствие помощи экспертов (или совместно с ними) современные Кэтрин и Эммы поделились бы секретами своей любви и своими желаниями с другими, скорее всего, с подругами или, по крайней мере, со случайными анонимными друзьями, найденными в интернете, значительно скрашивая таким образом свое одиночество и отчаяние. На них обрушился бы бурный поток слов, состоящий из анализа собственных поступков, переживаний и дружеских или экспертных советов. Современные Кэтрин или Эмма потратили бы много времени на размышления и разговоры о терзающей их боли и, вероятно, нашли бы ее причины в собственном неблагополучном детстве (или детстве своих любовников). Они ощутили бы триумф, но не от того, что испытали горе, а именно от того, что преодолели его с помощью арсенала терапевтических техник самопомощи. Современные сердечные муки порождают почти бесконечный поток рассуждений и толкований, целью которых является как понимание, так и искоренение их причин. Смерть, самоубийство и бегство в монастырь больше не входят в наш репертуар. Но это, разумеется, не означает, что современные люди ничего не знают о муках любви. На самом деле мы знаем о них, возможно, даже больше, чем наши предшественники. Однако речь идет о том, что социальная составляющая сердечных страданий претерпела глубокие изменения. Эта книга посвящена пониманию природы произошедших изменений посредством

изучения трех различных ключевых аспектов современной личности: воли (того, насколько мы чего-то хотим), признания (того, что важно для нашего чувства значимости) и желания (к чему мы стремимся и как мы жаждем это заполучить).

Откровенно говоря, мало кому из современных людей удастся избежать душевных страданий в интимных отношениях. Эти страдания могут принимать разные формы: приходится порой перецеловать слишком много лягушек на пути к Прекрасному Принцу или Принцессе; заниматься изматывающими бесплодными поисками в интернете и возвращаться в одиночестве из баров, с вечеринок или со свиданий вслепую. Когда отношения, наконец, формируются, муки не исчезают, поскольку вам может стать скучно, вы можете почувствовать тревогу или злость, погрязнуть в болезненных спорах и конфликтах или, в конечном итоге, испытать смятение, неуверенность в себе и даже впасть в депрессию от расставаний или разводов. Это малая толика того, через что может пройти человек в мучительных поисках любви, от которых избавлены лишь немногие из наших современников. Если бы социологи могли услышать голоса мужчин и женщин, ищущих любовь, на них пролился бы нескончаемый поток громких причитаний и стонов.

Несмотря на широко распространенный и почти коллективный характер таких испытаний, наша культура настаивает на том, что они являются результатом несовершенной или недостаточно зрелой психики. Бесчисленные пособия и семинары по самосовершенствованию учат нас эффективно управлять нашими чувствами, помогая нам понять, каким образом мы неосознанно моделируем наши собственные поражения. Согласно теории Фрейда сексуальное влечение лучше всего объясняется опытом прошлого и наши любовные предпочтения формируются в детстве в отношениях между ребенком и его родителями. Для многих утверждение Фрейда о том, что именно в семье вырабатывается модель эротических привязанностей, было главным объяснением того, почему мы не можем найти или сохранить любовь. Фрейдистская культура, непоколебимая в своей непоследовательности,

утверждает, что будущее наших романтических отношений является прямым отражением нашего детского опыта независимо от того, похож наш партнер на наших родителей или является их полной противоположностью. С идеей о навязчивом повторении Фрейд пошел еще дальше, утверждая, что потери, пережитые в раннем возрасте, какими бы болезненными они ни были, станут бессознательно воспроизводиться на протяжении всей взрослой жизни в качестве одного из способов их окончательно преодолеть. Эта идея оказала огромное влияние на коллективную точку зрения и на лечение любовных страданий, рассматривая их как благотворный фактор процесса взросления. Более того, фрейдистская культура предполагала, что, по большому счету, страдания от любви неизбежны.

Клиническая психология сыграла исключительно важную роль в придании научной легитимности идее о том, что любовь и связанные с ней неудачи могут быть объяснены психической историей индивидуума и, как следствие, могут им контролироваться. Хотя оригинальное фрейдовское понятие бессознательного создавалось с целью развеять традиционные представления о личной ответственности, на практике психология сыграла решающую роль в передаче сферы романтики и эротики под личную ответственность человека. Осознанно или нет психоанализ и психотерапия предоставили огромный арсенал различных техник, чтобы помочь нам разговориться, но сделали нас неизбежными носителями ответственности за наши страдания.

На протяжении всего XX в. идея о том, что люди сами создают свои любовные муки, была невероятно успешной, возможно потому, что психология одновременно давала утешительное обещание избавления от них. Мучительные любовные переживания стали мощным фактором, активизирующим массу профессионалов (психоаналитиков, психологов и терапевтов всех мастей), издательскую индустрию, телевидение и множество других средств массовой информации. Появление чрезвычайно успешной индустрии самоусовершенствования стало возможным на фоне глубоко укоренившейся веры в то, что наши страдания тесно связаны с психическим развитием

нашей личности, что самопознание и способность говорить о них обладают исцеляющей силой, а выявление закономерностей и источников наших страданий поможет их преодолеть. Муки любви теперь указывают только на личность, на историю ее психического развития и на ее способность к самоформированию.

Именно потому, что мы живем в то время, когда господствует идея личной ответственности, социология остается жизненно важной сферой деятельности. Точно так же, как в конце XIX в. считалось радикальным утверждать, что бедность является результатом систематической экономической эксплуатации, а не результатом сомнительной морали или слабого характера, в настоящее время крайне необходимо заявить, что все неудачи, превратности и невзгоды нашей эмоциональной жизни скорее формируются институциональными механизмами, а не являются результатом слабой психики. Итак, цель этой книги состоит в том, чтобы значительно изменить точку зрения на то, что правильно, а что неправильно в современных отношениях. Основной проблемой является не трудное детство или недостаток самосознания, а совокупность социальных и культурных напряженностей и противоречий, которые формируют современную личностную идентичность.

По сути, подобное предложение не ново. Феминистские писатели и мыслители уже давно оспаривают и общепринятую веру в любовь как в источник абсолютного счастья, и психологическое индивидуалистическое осмысление любовных страданий. Вопреки распространенным мифам феминистки утверждают, что романтическая любовь не является источником трансцендентности, счастья и самореализации. Скорее, это одна из основных причин разногласий между мужчинами и женщинами, а также одна из традиционных культурных норм, вынуждающая женщин принимать (и «любить») свое подчинение мужчинам. Ибо, когда мужчина и женщина любят друг друга, разногласия, характеризующие их как личность, только усиливаются. По словам Симоны де Бовуар, «даже будучи влюбленными, мужчины сохраняют свой суверенитет, в то время

как женщины с самоотречением отдаются своему чувству»⁴. В своей противоречивой книге «Диалектика пола», процитированной в начале этой главы, Суламифь Файерстоун пошла еще дальше: «Источником социальной силы и энергии мужчин является любовь, которую женщины обеспечивали и продолжают им обеспечивать, и это позволяет предположить, что именно любовь является цементом, с помощью которого построено здание мужского превосходства»⁵. Романтическая любовь не только скрывает классовую и половую дискриминацию, но фактически делает ее возможной. Согласно меткой фразе Ти-Грейс Аткинсон, романтическая любовь является «основным психологическим фактором притеснения женщин»⁶. Наиболее поразительным утверждением феминисток является то, что борьба за власть лежит в самой сути любви и сексуальности, что мужчины всегда доминировали и продолжают доминировать в этой борьбе, поскольку существует сближение между экономической и сексуальной властью. Подобное сексуальное господство мужчин заключается в их способности определять объекты любви и устанавливать правила, регулирующие ухаживание и выражение романтических чувств. В конечном счете, мужская власть заключается в том, что гендерная идентификация и иерархия воплощаются и создаются с помощью выражения романтических чувств, а чувства, в свою очередь, поддерживают экономическое и политическое неравенство возможностей⁷.

⁴ С. де Бовуар. Второй пол. NY: Vintage Books, 1970 [1949] [*S. de Beauvoir. The Second Sex. New York: Vintage Books, 1970 [1949]*].

⁵ См. ссылку 1.

⁶ Аткинсон Т.-Г. Радикальный феминизм и любовь. NY: New York University Press, 2001 (1974). С. 138–142 [*Atkinson T.-G. Radical Feminism and Love (1974), in Susan Ostrov Weissner (ed.), Women and Romance: A Reader. New York: New York University Press, 2001. P. 138–142*].

⁷ Маккиннон С. А. Сексуальные домогательства в отношении работающих женщин: Вопрос о половой дискриминации. New Haven: Yale University Press, 1979 [*MacKinnon C. A. Sexual Harassment of Working Women: A Case of Sex Discrimination. New Haven: Yale University Press, 1979*]; Рич А. Принудительная гетеросексуальность и лесбийская сущность // *Signs*. 5(4). 1980. С. 631–660 [*Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs*. 5(4). 1980. P. 631–660]; Шектер С. Анализ сохранения насилия в отношении

Но во многом именно это предположение о превосходстве власти является недостатком того, что стало доминирующей нитью феминистской критики любви. В периоды, когда патриархат был гораздо сильнее, чем сегодня, любовь играла гораздо менее значительную роль в представлениях людей об окружающем мире. Более того, культурная значимость любви, по-видимому, связана с упадком, а не с увеличением власти мужчин в семье, а также с ростом более равноправных и симметричных гендерных отношений. К тому же большая часть феминистской теории основана на предположении, что в любовных и других социальных отношениях власть является первичным структурным элементом, игнорируя, таким образом, огромное количество эмпирических данных, свидетельствующих о том, что любовь не менее первична, чем власть, и что она также является мощным и невидимым двигателем социальных отношений. Недооценивая любовь женщин (и их желание любить) к патриархату, феминистская теория часто не понимает причин той огромной власти, какую любовь имеет над современными женщинами и мужчинами, а также не осознает эгалитарного напряжения, содержащегося в идеологии любви, и ее способности разрушать патриархат изнутри. Патриархат, безусловно, играет главенствующую роль в объяснении структуры отношений между полами и того невероятного восхищения, которое гетеросексуальность по-прежнему вызывает у них, хотя одного этого недостаточно, чтобы объяснить необычайную власть, которую идеал любви имеет над современными мужчинами и женщинами.

Таким образом, эта книга хочет определить рамки для установления институциональных причин романтических страда-

женщин в семье // Эгида: Журнал об искоренении насилия в отношении женщин. Июль/август 1979. С. 47 [Schechter S. Towards an Analysis of the Persistence of Violence against Women in the Home // Aegis: Magazine on Ending Violence against Women. July / August 1979. P. 47]; Шектер С. Женщины и мужское насилие: Взгляды и противостояние Движения Женщин, подвергающихся насилию в семье. NY: South End Press, 1983 [Schechter S. Women and Male Violence: The Visions and Struggles of the Battered Women's Movement. New York: South End Press, 1983].

ний, но само собой разумеется, что каждый конкретный опыт любви оказывает мощное влияние, которое нельзя объяснить просто «ложным сознанием»⁸. Это исключило бы сам вопрос, прежде чем он был бы задан. Я утверждаю здесь то, что причина столь большого значения любви для нашего счастья и самосознания недалеко от причин, объясняющих, почему это такой сложный аспект нашего жизненного опыта: эти причины тесно связаны с тем, каким образом личность и самосознание институционализируются в эпоху модернизма. Если многие из нас испытывают некое щемящее чувство тревоги или беспокойства в отношении любви, если все, что касается любви, приводит нас в смятение, делает нас уязвимыми и недовольными собой, по словам философа Гарри Франкфурта⁹, это происходит от того, что любовь содержит в себе, отражает и усиливает захват личности институтами модернизма¹⁰, институтами, надо отметить, сформированными экономическими и гендерными отношениями. Как прекрасно выразился Карл Маркс, «люди творят свою историю сами, но не добровольно, не по своему собственному выбору, а в мгновенно возникших обстоятельствах, которые были им предоставлены или переданы по наследству»¹¹. Когда мы любим или находимся в подавленном состоянии (или обижаемся на кого-то), мы делаем это не по собственной воле и в ситуациях, созданных не нами, и именно эти обстоятельства и ситуации я хотела бы исследовать в данной книге. Самое главное доказательство, которое мне хотелось представить на следующих страницах, заключается в том, что нечто фундаментальное

⁸ Для исчерпывающего ответа на этот вопрос см: *Свидлер А.* Разговор о любви. Chicago: University of Chicago Press, 2001 [*Swidler A.* Talk of Love. Chicago: University of Chicago Press, 2001].

⁹ *Франкфурт Н.* Причины любви. Princeton: Princeton University Press, 2004. С. 5 [*Frankfurt N.* The Reasons of Love. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 5].

¹⁰ *Чьюэрс Э.* Современная личность в безвыходном положении. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003 [*Chowers E.* The Modern Self in the Labyrinth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003].

¹¹ *Вагнер П.* Социология модернизма: Свобода и дисциплина. London: Routledge, 1994. С. xiii [*Wagner P.* A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. London: Routledge, 1994. P. XIII].

в структуре наших романтических желаний изменилось в современном обществе. Эти изменения, т. е. чего мы хотим и как мы подходим к реализации наших потребностей в отношениях с сексуальными партнерами, очень подробно описаны в главах 2 и 3. В главе 4 рассматриваются изменения, которые делают нас уязвимыми и заставляют чувствовать себя недостойным. Наконец, 5 и 6 главы рассказывают об изменениях в структуре наших эротических и романтических желаний и в содержании мыслей и эмоций их активизирующих. Структура самого желания, его осознание и воплощение составляют три основные линии анализа преобразований любви в эпоху модернизма. В конечном счете, моя цель состоит в том, чтобы рассмотреть любовь так, как Маркс в свое время рассматривал товары: показать, что она формируется и возникает в конкретных социальных отношениях; продемонстрировать, что она подобно товару находится в обращении среди неравных конкурирующих субъектов; и утверждать, что некоторые из них обладают более значительным потенциалом для определения условий этой любви.

Опасностей, таящихся в подобном анализе, множество. Самая очевидная из них, вероятно, связана с тем, что я, возможно, преувеличила различия, отделяющие «нас» (современных) от «них» (наших предшественников). Несомненно, многие читатели (если не большинство) будут думать о своем собственном наборе доказательств, ставящих под сомнение мое утверждение о том, что причины любовных страданий имеют отношение к современности. Однако я охотно отвечаю на это серьезное возражение. Во-первых, я не утверждаю, что страдания от любви — это нечто новое, появились лишь некоторые причины, из-за которых мы их испытываем. Второй ответ имеет отношение к социологии: нас интересуют не столько отдельные действия и настроения индивидов, сколько структуры, их провоцирующие. Хотя в близком и отдаленном прошлом мы можем найти огромное количество примеров, внешне похожих на нынешние ситуации, они не указывают на те крупномасштабные структуры, на которые указывают нам современные любовные практики и свойственные им стра-

дания. В этом смысле, я надеюсь, историки простят меня за то, что я использую историю не столько как сложную науку, полную дат, событий и достижений, сколько в качестве контраста, декоративного фонового гобелена с фиксированными мотивами, которые помогают высветить характерные черты модернизма.

Как и другие социологи, я рассматриваю любовь как привилегированный микрокосм, с помощью которого можно понять процессы модернизма, но в отличие от них история, которую я должна рассказать, не героическая победа чувств над разумом и гендерного равенства над гендерной эксплуатацией, это история, в которой все далеко не так однозначно.

Что такое модернизм?

В отличие от любой другой дисциплины социология возникла из отчаянных и тревожных вопросов о значении и последствиях модернизма. Карл Маркс, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель — все они пытались понять смысл перехода от «старого» мира к «новому». «Старым» была религия, община, порядок и стабильность. «Новым» были захватывающие дух перемены, отделение церкви от государства, расторжение общественных связей, растущие претензии на равенство и мучительная неопределенность в отношении личности. С тех самых пор, с того самого удивительного периода, отмечающего переход от середины XIX к XX в., социология задавалась одними и теми же острыми вопросами: не подорвет ли общественный порядок снижение роли религии и общины в жизни общества? Сможем ли мы жить содержательной полноценной жизнью в отсутствие святости? В частности, Макс Вебер был обеспокоен вопросами, которыми задавались Достоевский и Толстой: «Если мы больше не боимся Бога, что будет с нашей нравственностью? Если мы больше не связываем нашу жизнь со святостью, общиной и послушанием, что сделает нашу жизнь содержательной, что даст ей смысл? Если в основе нравственности человек, а не Бог, что случится с “этикой братства”»,

ставшей движущей силой религий?¹²». На самом деле, изначально, социология была призвана понять, каким мог бы стать смысл жизни после упадка религии.

Большинство социологов сошлись во мнении, что модернизм предложил вдохновляющие возможности, но также и риски, угрожающие нам жить наполненной смыслом жизнью. Даже социологи, признавшие, что модернизм означал прогресс по сравнению с невежеством, хронической бедностью и повсеместным подчинением, все еще рассматривали его как оскудение нашей способности рассказывать красивые истории и жить в богато обставленной культурной среде. Модернизм отрезвил людей, освободил их от сильных, но сладких иллюзий и заблуждений, которые делали их страдания терпимыми. Лишенные этих фантазий люди проводили бы свои жизни без каких-либо обязательств по отношению к высшим принципам и ценностям, без религиозного пыла и экстаза, без героизма святых, без определенности и упорядоченности божественных заповедей, но больше всего — без тех романов, которые утешают и украшают жизнь.

Подобное отрезвление нигде более не проявляется так очевидно, как в сфере любви, которой в течение нескольких веков в истории Западной Европы управляли идеалы рыцарства, доблести и романтизма. Рыцарство следовало одному кардинальному положению: преданно и самоотверженно защищать слабых. Слабость женщин, таким образом, стала частью культурной системы, где она была общепризнана и окружена ореолом, поскольку преобразовала мужскую власть и женскую хрупкость в привлекательные качества: «способность защитить» для мужчин и «мягкость» и «нежность» для женщин. Женская социальная неполноценность могла таким образом обмениваться на абсолютную мужскую преданность в любви, которая, в свою очередь, служила той самой областью прояв-

¹² Вебер М. Направления религиозного неприятия мира // in Н. Н. Gerth and C. W. Milles (eds and trans), *From Max Weber*. London: Routledge, 1970 [1948]. С. 323–359 [Weber M. Religious Rejections of the World and Their Directions, in Н. Н. Gerth and C. W. Milles (eds and trans), *From Max Weber*. London: Routledge, 1970 [1948]. P. 323–359].

ления мужественности, доблести и чести. Более того, лишение женщин права собственности и экономических и политических прав сопровождалось (и, по-видимому, компенсировалось) заверением, что, будучи любимыми, они не только защищены мужчинами, но даже имеют превосходство над ними. Поэтому неудивительно, что любовь исторически так желанна для женщин; она обещала моральный статус и достоинство, в котором им было отказано в обществе, и ореолом окружила их социальный удел: быть матерью, женой или любовницей, любить и заботиться о других. Так, исторически любовь была крайне привлекательной именно потому, что, приукрасив, она скрыла глубокое неравенство, лежащее в основе гендерных отношений.

Высокий, или гипермодернизм, узко определенный в этой книге, это период после Первой мировой войны, известный повсеместно как модернизм, обозначивший обострение социальных тенденций, заложенных в раннем модернизме, и изменивший, порой глубоко, культуру любви и структуру гендерной идентичности. Эта культура действительно сохранила и даже усилила идею любви, наделяя ее способностью выходить за рамки обыденного. Впрочем, когда в интимных отношениях оказались вместе два политических идеала гендерного равенства и сексуальной свободы, это лишило любовь ритуалов уважения и той мистической ауры, которой она ранее была окутана. Все святое в любви стало мирским, и в конечном итоге мужчины вынуждены были трезво взглянуть на реальные условия жизни женщин. Этот глубокий раскол и двойственный характер любви, являющиеся источниками экзистенциальной трансцендентности и глубоко оспариваемой областью проявления гендерной идентичности, характеризуют современную культуру любовных отношений. Строго говоря, проявить гендерную идентичность и осуществить гендерную борьбу означает разобраться с институциональными и основными культурными дилеммами и двойственностью модернизма, дилеммами, организованными вокруг ключевых культурных и институциональных идей подлинности, независимости, равенства, свободы, ответственности и самореализации.

Изучение любви не является второстепенным, оно имеет ключевое значение для изучения сути и основ модернизма¹³.

Гетеросексуальная романтическая любовь как нельзя лучше подходит для анализа такого двойственного представления о модернизме, поскольку последние четыре десятилетия стали свидетелями радикализации свободы и равенства в романтических отношениях, а также радикального раскола между сексуальностью и эмоциональностью. Гетеросексуальная романтическая любовь пережила две наиболее важные культурные революции XX в.: индивидуализацию образа жизни и активизацию эмоциональности; а также экономизацию социальных отношений, широкую распространенность экономических моделей для формирования личности и ее подлинных эмоций¹⁴. Пол и сексуальность освободились от моральных норм и стали частью образа жизни индивида, при этом язык капиталистической культуры массово проник в сферу гетеросексуальных романтических отношений.

Например, когда (гетеросексуальная) любовь стала основной темой романа, мало кто заметил, что она тесно переплелась с другой темой, не менее важной для буржуазного романа и для модернизма в целом: с темой социальной мобильности. Это можно увидеть на примерах Кэтрин и Эммы, обсуждаемых ранее. Таким образом, одним из главных вопросов, заданных романом (а затем и голливудским кинематографом), был и остается вопрос о том, может ли и при каких условиях любовь превалировать над социальной мобильностью и, наоборот, должна ли социально-экономическая совместимость быть необходимым условием для любви. Формирование современной личности было одновременно эмоциональным и экономическим, романтическим и рациональным. Центральное

¹³ Это также является теоретической и социологической точкой зрения различных социологов, таких как Гидденс, Бек и Гернсхайм-Бек и Бауман.

¹⁴ См.: Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press, 1985].

место любви в браке (и в романах) совпало с угасанием самого брака как инструмента создания межсемейных союзов, что ознаменовало новую роль любви в социальной мобильности. Однако это означало далеко не прекращение, а углубление экономических расчетов и исчислений, поскольку положение мужчин и женщин на социальной лестнице все чаще и чаще менялось в ту или другую сторону благодаря социальной алхимии любви. Поскольку любовь сделала сопряжение между браком и стратегиями экономического и социального воспроизводства менее явным и формальным, современный выбор партнера стал постепенно включать в себя как эмоциональные, так и экономические притязания. Любовь учитывала теперь рациональные и стратегические интересы, объединяя экономическое положение и эмоциональные склонности партнеров в единую культурную матрицу. Таким образом, одним из ключевых культурных преобразований модернизма стало смешение любви с экономическими стратегиями социальной мобильности. По этой же причине в данной книге содержится ряд методологических погрешностей: гетеросексуальная любовь здесь рассматривается более пристально, чем гомосексуальная, поскольку первая содержит отрицание экономического обоснования выбора объекта любви и объединяет в себе как экономическую, так и эмоциональную логику. Иногда эти две логики гармонично и плавно согласуются, но они одинаково часто расщепляют романтические чувства изнутри. Смешение любви и экономического расчета приводит к тому, что любовь моментально оказывается в эпицентре современной жизни и подвергается противоречивому давлению. Подобное переплетение эмоционального и экономического, таким образом, является лейтмотивом переосмысления роли любви в эпоху модернизма, которое я предлагаю рассмотреть, демонстрируя как возможность выбора, рациональность, интерес и конкуренция изменили характер поиска, способы знакомства и ухаживания за партнером, методы консультирования и варианты принятия решений о своих чувствах. Другая методологическая погрешность этой книги заключается в том, что она рассматривает

любовь главным образом с точки зрения женщин, а не мужчин, и особенно с точки зрения женщин, в основном предпочитающих брак, продолжение рода и образ жизни среднего класса. Как я надеюсь здесь показать, именно сочетание этих устремлений и их место на свободном рынке сексуальных контактов создают новые формы эмоционального доминирования мужчин над женщинами. Иными словами, несмотря на то, что эта книга касается многих женщин, она, разумеется, относится не ко всем (конечно, не к лесбиянкам и женщинам, которые не заинтересованы в семейной жизни, в браке или без, в детях).

Любовь в эпоху модернизма, современный характер любви

Усиление позиций модернизма обычно объясняется научными знаниями, деятельностью печатных средств массовой информации, развитием капитализма, секуляризацией и влиянием демократических идей. Недостающим звеном в этом списке является формирование рефлексивной эмоциональной личности, которое, как я ранее отмечала¹⁵, сопровождало становление модернизма, личности, определявшей себя и свою идентичность преимущественно эмоционально и сосредоточенной на управлении своими чувствами и на их утверждении. Эта книга хотела бы определить место для культурного идеала и искусства романтической любви в культурной сущности модернизма, наиболее ярко проявляющейся в ее решающем значении для формирования биографии и характера эмоциональной личности. Как выразился Уте Фреверт: «Не только история порождает эмоции, но и эмоции творят историю»¹⁶.

Философ Габриель Моцкин предлагает задуматься о роли любви в длительном процессе формирования современной лич-

¹⁵ *Иллюз Е.* Спасая современную душу: Терапия, Эмоции и Культура самопомощи. Berkeley: University of California Press, 2008 [*Illouz E. Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help.* Berkeley: University of California Press, 2008].

¹⁶ *Frevert U.* Was haben Gefühle in der Geschichte zu suchen? // *Geschichte und Gesellschaft.* 35. 2009. P. 183–208 (P. 202)].

ности. По его словам, Христианская (Паулианская) вера отводила центральное место эмоциям любви и надежды, создавая тем самым эмоциональную личность (а не, скажем, интеллектуальную или политическую)¹⁷. Моцкин заявляет, что процесс секуляризации культуры состоял, в частности, в секуляризации религиозной любви. Такая секуляризация принимала две различные формы: она превратила мирскую любовь в священное чувство (позднее отмечаемое как романтическая любовь), а романтическую любовь в эмоцию, противостоящую ограничениям, налагаемым религией. Таким образом, секуляризация любви сыграла важную роль в процессе освобождения от религиозной власти.

Если нужно определить более точные временные рамки этих исследований, то протестантская реформация, по-видимому, считается важным этапом в формировании современной романтической личности, поскольку она обозначила новый комплекс противоречий между патриархальностью и новыми эмоциональными ожиданиями относительно идеала подходящего брака. «Пуританские писатели поощряли формирование новых идеалов поведения в браке, подчеркивая важность близости и эмоциональности среди супружеских пар. Мужьям было рекомендовано не забывать о духовном и психологическом благополучии своих жен»¹⁸.

Многочисленные ученые, историки и социологи утверждают, что любовь, особенно в протестантских культурах, была источником гендерного равенства, поскольку она сопровождалась возвышенным отношением к женщине¹⁹. Благодаря религиозному

¹⁷ Моцкин Г. Секуляризация, знания и полномочия // Религия и демократия в современной Европе / Под ред. Г. Моцкин, Я. Фишер. Jerusalem: Alliance Publishing Trust, 2008 [Motzkin G. Secularization, Knowledge and Authority // Religion and Democracy in Contemporary Europe / G. Motzkin and Y. Fischer (eds). Jerusalem: Alliance Publishing Trust, 2008].

¹⁸ Макдональд М. Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 98 [MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 98].

¹⁹ Канциан Ф. Любовь в Америке. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 [Cancian F. Love in America Cambridge: Cambridge University Press, 1987]; Гидденс А. Трансформация интимности. Cambridge: Polity Press, 1992

наказу нежно любить своего супруга статус женщин повысился, и они получили возможность принимать решения наравне с мужчинами. Энтони Гидденс и др., кроме того, предполагают, что любовь играла главную роль в формировании женской независимости, поскольку в XVIII в. культурный идеал романтической любви, отделенный от религиозной этики, предписывал женщинам, равно как и мужчинам, свободно выбирать объект своей любви²⁰. На самом деле, сама идея любви подразумевает свободную волю и независимость влюбленных. Моцкин даже предполагает, что «развитие демократических концепций власти является дальним следствием предпосылки эмоциональной независимости женщин»²¹. Сентиментальная литература и романы XVIII в. еще больше подчеркивали эту культурную тенденцию, поскольку идеал любви, который они пропагандировали, и в теории и на практике способствовал ослаблению власти, которую родители — особенно отцы — проявляли по отношению к бракам своих дочерей. Таким образом, идеал романтической любви является движущей силой женской эмансипации в одном важном аспекте: он является движущей силой индивидуализации и независимости, какие бы формы она ни принимала. Поскольку в XVIII и XIX вв. частная жизнь стала цениться высоко, женщины могли проявлять то, что Энн Дуглас называла, используя выражение Харриет Бичер Стоу, «белорозовой тиранией», т. е. стремлением «американских женщин девятнадцатого века получить власть, злоупотребляя своей женской сущностью»²². Любовь отдала женщин под опеку мужчин, но сделала это, узаконив модель неприкосновенной личности,

[Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. Cambridge: Polity Press, 1992]; *Смоун Л. Семья, секс и супружество*. NY: Harper and Row, 1977 [Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. New York: Harper and Row, 1977].

²⁰ Гидденс А. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004 [Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. Saint-Petersburg: Piter, 2004].

²¹ Моцкин Г. Секуляризация, знания и полномочия. С. 43 [Motzkin G. *Secularization, Knowledge and Authority*. P. 43].

²² Дуглас А. Феминизация американской культуры. NY: A. A. Knopf, 1978. С. 6–7 [Douglas A. *The Feminization of American Culture*. New York: A. A. Knopf, 1978. P. 6–7].

любящей семейный уют, которая отличалась независимыми суждениями и поступками и, самое главное, требовала эмоциональной независимости. Таким образом, романтическая любовь укрепила нравственный индивидуализм в частной сфере, что сопровождалось подъемом сферы общественной. На самом деле, любовь является наглядным примером и двигателем новой модели общения, которую Гидденс назвал «чистыми отношениями»²³, основанной на договорном предположении, что два человека с равными правами объединяются в эмоциональных и индивидуалистических целях. Подобный договор устанавливается двумя лицами ради их блага и может вступать в силу и аннулироваться по их собственному желанию.

Однако, наряду с тем, что любовь сыграла значительную роль в формировании «эмоционального индивидуализма», как называют его историки, модернистская художественная литература имеет тенденцию представлять ее как героическую, как путь от рабства к свободе. Когда любовь торжествует, согласно истории, браки по расчету и интересам исчезают, а индивидуализм, независимость и свобода празднуют триумф. Тем не менее, хотя я и согласна с тем, что романтическая любовь бросила вызов как патриархату, так и институту семьи, «чистые отношения» также сделали частную сферу более нестабильной, а романтическое сознание несчастным. На мой взгляд, то, что делает любовь таким постоянным источником неудовлетворенности, дезориентации и даже отчаяния, может быть должным образом объяснено только с помощью социологии и понимания культурной и институциональной сущности модернизма. Именно поэтому я считаю, что подобный анализ будет уместным для большинства стран, вовлеченных в процесс формирования модернизма, основанного на равенстве, договорности, интеграции мужчин и женщин в капиталистический рынок и на узаконенных «правах человека» как основной сути личности: эта межкультурная

²³ Гидденс А. Модернизм и самосознание. Stanford: Stanford University Press, 1991. С. 70–108 [Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 70–108]; Гидденс А. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004 [Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. Saint-Petersburg: Piter, 2004].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru